

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Евгений ЛУКИН

ЛЕПТА ЛЕВИТАНА

К 160-летию со дня рождения Исаака Левитана

Пароход спустился вниз по Волге. Унылый пейзаж проплывал перед глазами художника. Крутой правый берег был покрыт чахлыми кустарниками, а левый тянулся низкой полосой леса. Дул сильный ветер, и серое пасмурное небо навевало тоску. «Зачем я сюда поехал? — разочарованно думал Левитан. — Мог бы работать где-нибудь под Москвой и не чувствовать себя одиноким наедине с этим громадным пространством, которое может просто убить».

И вдруг внимание художника привлек высокий зеленый холм, а на нем — темная деревянная церквушка. Было в ней что-то библейское, родное. Она напоминала одинокий хрупкий корабль, который стремился сквозь мрачные волны вечности. Поблизости на берегу раскинулся городок со златоглавыми храмами, яркими торговыми рядами, тенистой набережной.

— Что за поселение? — спросил художник.

— Заштатный городок Плёс, — ответил капитан. — Сооружен здесь еще до Батыева нашествия.

Исаак Левитан сошел на пристань вместе со своей спутницей — художницей Софьей Кувшинниковой. Это была талантливая женщина, обладавшая редким даром преображать окружающий мир — дарить ему красоту. Свое скромное московское жилище она превратила в роскошные апартаменты: вместо турецких диванов накрыла коврами обычные деревянные ящики, а вместо занавесок повесила на окнах рыбацкие сети. Не имея больших денег, она шила себе из дешевых лоскутков прекрасные костюмы — невероятные греческие хитоны лимонного цвета или простонародные холщовые шушуны, отделявая их кумачовыми прошивками. Своим даром красоты художница наградила и Левитана, став его настоящей музой. Под ее благодатной эгидой живописец создал свои самые прекрасные картины.

Евгений Валентинович Лукин — поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Родился в 1956 году. Окончил исторический факультет ЛГПИ имени А. И. Герцена. Работал учителем и журналистом, проходил военную службу. Автор тридцати пяти книг прозы и поэзии. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и России. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Санкт-Петербурге.

Вечером он отправился на холм, захватив с собой этюдник. Старая церквушка Петра и Павла была залита золотистым светом заходящего солнца. Ее три островерхие клетки, обозначавшие святой алтарь, высокий кафоликон с выцветшей луковкой и приземистый притвор, образовывали уступы сиреневой окраски, по-разному оттеняя друг друга. Возле церквушки раскинулся древний погост — там и сям стояли покосившиеся могильные кресты-голубцы.

Левитан быстро набросал рисунок, сделал легкий подмалевок и стал дожидаться последнего мгновения заката. Наконец вспыхнул долгожданный багровый луч, озарив верхушку креста и жарким пламенем полыхнув на оконца. Художник схватился за кисть, лихорадочно запечатлевая огненный хоровод цвета. Это чародейство длилось недолго. Закат погас, и небесные краски обрели сумрачное звучание. Левитан был доволен этюдом. Казалось, ему удалось воплотить на холсте предсмертную красоту уходящей жизни. Он вспомнил стихи Афанасия Фета:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
 Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
 Что просиял над целым мирозданьем,
 И в ночь идет, и плачет, уходя.

На следующий день Софья Кувшинникова собралась на пленэр вместе с Левитаном. Художники замыслили побывать в Петропавловской церкви и, может быть, даже отслужить обедню. Иерей Иаков Афанасьевич Успенский предупредил:

— Сей храм дрожит от ветхости — одна искорка, и останется только пепелище!

Перед входом на погост, подобно сторожевым богатырям, высились два белых каменных надгробия. На одном из них славянской вязью было написано: «Лета 1572 года преставился раб Божий Сидор Кирилов сын Эшерин».

Глубокой древностью веяло от ветхих церковных стен, омытых дождями. Серая лешенка, подернутая мхом, гнулась и скрипела под ногами. На звоннице раздался глухой звон охрипшего колокола. Где-то под крышей удивленно заворковали голуби. Отец Иаков достал старинное печатное Евангелие, покрытое синим бархатом, и показал надпись полууставом, сотворенную под образом святого Матфея: «Лета 1659, месяца января, 3 дня сия книга, глаголемая Евангелие на престольное, сиречь благовестив, положил сию книгу Евстафин Кирилов сын с Москвы торговой человек на Плесе в церкви у святых верховных апостолов Петра и Павла на престол по своей душе и по своих родителях».

Облачившись в рясу, отец Иаков вышел на солею и, повернувшись к царским вратам, начал литургию. Размеренное чтение Евангелия сменялось тихими молитвенными распевами. Три древние старухи в черных платках и сарафанах подпевали священнику, истово крестились и клали низкие поклоны. Кадило позвякивало цепью. Благовоние душистого ладана кружило голову. Мерцали восковые свечи, освещая старинный иконостас. Темные лики святых бросали огненный взгляд из глубины веков.

Левитан стоял, как замороженный. Потом попросил Софью показать, как и куда следует поставить свечи. Он смиренно застыл перед святыми образами, его душу объял священный трепет.

После литургии ему захотелось написать этюд — запечатлеть на холсте внутреннее убранство древнерусского храма. К Левитану присоединилась спутница. Оба художника, вдохновленные божественной молитвой, приступили к работе.

Завершив этюды, они вышли на воздух. Широкий волжский простор открылся перед ними. Казалось, река несла свои воды не к далекому окоему, а куда-то в неизбежную вечность. Тяжелые, свинцовые облака клубились над ней. Прибрежные деревья засты-

ли в ожидании порывов ветра. Напряженная тишина воцарилась вокруг. Чувствовалось, что вот-вот разразится гроза, и мощная, неудержимая стихия дождя обрушится на мир.

— Вечный покой! — выдохнул Левитан, очарованный величественным зрелищем. — Я никогда еще так не любил природу, никогда еще так сильно не чувствовал это божественное нечто, разлитое во всем. Когда-нибудь я обязательно напишу эту картину.

— Почему когда-нибудь? — удивилась Софья. — Писать надо начинать сейчас.

— Нет-нет, нельзя торопиться. Картина должна созреть в душе, выродить среди переживаний и размышлений, настояться, как хорошее вино.

Художники вернулись в дом купца Солодовникова, где по приезде сняли две комнаты в высоком мезонине. В одной комнате они поставили мольберты, а в другой, где находилось пианино, устроили гостиную. Исаак сразу же разложил по мольбертам сделанные этюды, пытаясь осмыслить возникшую тему. Софья прошла к пианино и начала наигрывать Моцарта. Она прекрасно музицировала и всегда добивалась похвальных слов от слушателей. Но на этот раз Левитан прервал изящную мелодию.

— Здесь должен звучать Бетховен, — задумчиво произнес он. — Что-нибудь трагическое, вечное. Например, из «Героической» симфонии.

Софья заиграла Траурный марш. Печальные, торжественные звуки заполнили пространство. Они более всего соответствовали мысленному настрою художника.

Как известно, Левитан не копировал природу точь-в-точь — он сочинял пейзажи, философски осмысливая увиденное. Сначала художник рисовал этюды с натуры, а потом дорабатывал задуманную тему, менял композицию, подбирал соответствующий цвет, перестраивал освещение. Эта творческая работа длилась годами. В итоге получалась удивительная символическая картина, которая состояла из реальных кусков бытия, но в целом такого пространства в природе никогда не существовало. Была новая сотворенная реальность, нанесенная на полотно. И эта чудесная реальность полностью соответствовала великому замыслу творца.

Вот и картина «Над вечным покоем», задуманная Левитаном в Плесе, сочинялась им несколько лет. Он оставил тяжелое предгрозовое небо и широкую водную гладь Волги, но изменил ее композицию. Вместо волжского берега художник поместил маленький утес, устремленный, подобно кораблю, в огромный простор тверского озера Удомля, куда выезжал на пленэр. На этот низкий утес он перенес погост и древнюю церквушку Петра и Павла, что в Плесе возвышалась на холме, а здесь опускалась на самое острие утеса. Однако точка зрения наблюдателя оставалась прежней — с горной высоты, которая была на Волге, но отсутствовала на озере Удомля, как, впрочем, и клетская церквушка с погостом.

Картина производила потрясающее впечатление. «Жизнь быстротечна и бессмысленна», — думал зритель, испытывая острое чувство одиночества и незащитности перед этим вечным покоем. Громадное вздыбленное небо нависало над маленьким островком земной тверди. Вот-вот мощная стихия обрушится на этот последний остов жизни и унесет его в бездну. «Вечность, грозная вечность, в которой потонули поколения и потонут еще, — объяснял свой замысел живописец. — Какой ужас, какой страх!»

Но Левитан не был бы истинно русским художником, если бы не давал человеку никакой надежды на спасение. На картине могущественной стихии бытия противостоит ветхая церквушка с едва заметным крестом на куполе. И уже светлеет небо над храмом, и грозные тучи не осмеливаются подступить к нему. А сама церквушка, теплая, живая, светит, не переставая, крошечным огоньком в окне, как будто подтверждая евангельское слово апостола Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объела его» (Ин, 1:5).

Этот маленький источник света преображал мрачный, трагический дух картины. Теперь душа человеческая, обретя божественный свет, могла преодолеть темный ужас

смерти. Об этом огоньке надежды когда-то написал стихотворение прекрасный русский поэт Николай Рубцов, искренне любивший левитановские пейзажи:

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,

За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...

Левитан не раз приезжал на берега Волги, где обрел веру, надежду, любовь. Он продолжал работать с природой, запечатлевая то золотой вечер над Плёмсом, то тихую обитель за лесом. Однажды художник писал очередной этюд у самой дороги. Мимо шли крестьянки, возвращавшиеся в соседнюю деревню после богослужения. Среди них была седая старуха в разбитых лаптях и поношенном сарафане. Она остановилась, внимательно посмотрела на картину и на художника, а потом перекрестилась и бережно положила в ящик с красками блестящую копеечку. Левитан был тронут до слез. Это была не просто лепта за совершенный труд. Это было народное признание его творчества.

Великий русский художник Исаак Ильич Левитан скончался 22 июля 1900 года, немного не дожив до своего сорокалетия. После кончины на его груди был найден православный крестик, который он давно носил и который никому не показывал.